

СОДЕРЖАНИЕ

Почему мы не понимаем своего прошлого. Вместо предисловия	8
Переворот или саморазложение власти?	19
Конец одряхлевшей династии	41
Воцарение оппозиции	54
Подпорки новой власти	73
Мартовские расправы	93
Восторги победы	119
Пасхальный «сюрприз» Ленина	143
Апрельский разлом	165
Перекраска фасада власти	181
Киевский сумбур	200
Плоды летней говорильни	216
Вперед, в наступление?	237
«Загадка» июльских дней	257
Нищета «государственных» умов	273
Призрак военной контрреволюции	287
Керенский: победа или поражение?	305
«Осеннее обострение»	319
Левый марш или погромная стихия?	336
Деревенский беспредел	351
Кто станет главным вождем?	364
«Техника государственного переворота»	378
Конфуз победы	399
Понять смуту. Вместо заключения	420
Краткая библиография	431

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПОНИМАЕМ СВОЕГО ПРОШЛОГО. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Взаимоотношения истории с обществом парадоксальны. Как наука история не нужна, как мифотворчество — постоянно востребована. Это неувидительно. Наука разрушает иллюзии, без которых люди не могут жить. Получается, что беспристрастный взгляд в прошлое — бесполезен, вреден и даже опасен для современности.

Человек просвещенный лишь делает вид, что нуждается в *подлинной* истории. На деле он, сам того не сознавая, разыскивает в ней то, что способно удовлетворить его нынешние — познавательные, нравственные, эстетические — запросы и потребности, включая досужее любопытство. А потому история угодливо переписывается по старому как мир черно-белому сценарию; при этом бывшие победители и жертвы, гении и злодеи и даже добро и зло беспечно меняются местами. В особой мере это относится к событиям революции.

История призвана способствовать самопознанию человечества. В известном смысле это «предупреждение о будущем». Но как быть, если наука подсказывает, что путь к нему лежит через кризисы и революции, драмы и трагедии, а не через материальный прогресс? Возникает соблазн отбросить дурную часть

прошлого, препарировав его соответственно текущим обывательским вкусам.

В своем недолгом мирном бытии человеку относительно комфортно, его жизнь кажется предсказуемой, хотя и не всегда счастливой. Но что он почувствует, оказавшись в бездушном пространстве большого исторического времени с его бесконечной чередой войн и революций? Вероятно, ему захочется разглядеть в нагромождении «случайных» событий обнадеживающую закономерность, отыскать вдохновляющих кумиров, — в общем, сделать прошлое оптимистичным. Из благих побуждений испокон веков складывались лживые мифы.

Однако человеческая мысль пытлива до безрассудности. Так, было замечено: французскую революцию сделали либертены (последователи маркиза де Сада), русскую — футуристы. Действительно, под влиянием идей Просвещения во Франции вызрел настоящий «бунт телесности» против религиозного ханжества. Но народ понял суть происходящего шире: как восстание против короля, церкви, понимая это как путь к свободе, равенству, братству.

Нечто подобное сопровождало русскую революцию. А. Блок в свое время заметил: «Русский футуризм был пророком и предтечей тех страшных карикатур и нелепостей, которые явила нам эпоха войны и революции; он отразил в своем туманном зеркале своеобразный веселый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие „прозорливые“ и очень умные люди не догадывались». Действительно, тяготы

войны спровоцировали революционный бросок из казенного застоя в неведомый социализм. Историю всегда подталкивали сумасшедшие идеи, которые бездумно подхватывались, а затем равнодушно отбрасывались косными массами. Между тем еще К. Маркс протестовал против «старой истории религий и государств». Возражал он и против того, чтобы его «Капитал» стал «универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории». Увы, его эпигоны попытались сделать именно это. Результат известен.

Если человеческая мысль может быть непреклонной, то массовое сознание склонно к конформизму. До недавнего времени исходным пунктом российских исторических представлений о бурном XX веке являлась «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сегодня очевидно, что мы пребывали во власти надуманного идеологического клише, призванного подменить тягостную реальность. Убогий симулякр развитого социализма лишь ускорил конец «большого мифа». Но старые идеологические подпорки из области социально-экономической и политической истории сохранились, продолжив свое обособленное существование. С их помощью продолжается оболванивание обывателей и стимулирование очередных сочинителей конспирологических сказок и страшилок. Разглядеть реальный ход событий 1917 года стало еще сложнее.

Между тем мировой общественной мыслью подмечены универсальные факторы, незримо подтолкнув-

шие мировую войну и революцию в России: демографический бум привел к омоложению населения; промышленный прогресс породил веру во всемогущество человека; информационная революция усилила иллюзорный компонент его сознания. Увеличивалось количество людей с замутненным сознанием и спутанными страстями. Возросла «стадная» эмоциональность, а заодно и безрассудность человека толпы. Таков результат эмоционального перегрева всей европейской культурной среды — относительно сытой, старающейся мыслить рационально, но остающейся социально и эмоционально неустойчивой. В ход истории впервые вмешалась психика «маленького человека». *Mass media* сумели довести его до социальной истерии. Эмоции — от фантастических надежд до агрессивного отчаяния — вторгались в большую политику.

Не следует думать, что никто не понимал опасностей происходящего. Предчувствий было более чем достаточно. Но из них обычно вырастают не теории, а утопии. Последние имеют обыкновение разгораться под влиянием общественного нетерпения, а затем угасать в условиях остывания социальной среды.

К сожалению, к настоящему времени эмоции чаще классифицируют по внешним признакам, нежели анализируют их природу и динамику. Нынешние сочинения о революции невообразимо скучны. Это неудивительно: застой мысли усиливает естественное отчуждение от прошлого. Современные авторы по-прежнему предпочитают ориентироваться на

видимое и интеллектуально *доступное* — то, что уловимо *современными* глазами.

Даже люди, именующие себя историками, безвольно прячутся от смыслов истории за частоколом цифр, некогда возведенным нерассуждающей бюрократией, за «бездушными» социологическими обобщениями или пестрыми картинками ушедшего быта. Так возникают условия для оптимистичных (*психологически* вполне понятных) заблуждений относительно того, что революции *могло и не быть*, не вмешайся в ход событий вездесущие — как свои, так и чужеземные — заговорщики. Подобные иллюзии поддерживались сверху — возможно, из опасений очередного пробуждения опасных для любой власти избыточных страстей.

Историю мы «потребляем», выкрасив ее в цвета *нашего* сегодняшнего бытия и нынешних эмоционально-этических предпочтений. По меркам современности идеи революции кажутся нам нелепыми, ценности — ложными, страсти — поддельными. Отсюда бегство от ее «больших» смыслов. Единственный способ преодолеть этот недостаток — вчувствоваться в прошлое, проникнуться страстями людей *того* времени. Это не столь сложно, если попытаться охватить основную массу личных свидетельств очевидцев, не разделяя их на «наших» и «чужих».

В советское время ход революции представлялся так: тяготы военного времени вызвали пролетарский протест, последовала волна забастовок, затем люди вышли на улицы, однако войска отказались в них

стрелять. Ситуацией воспользовалась либеральная буржуазия, которая и пришла к власти. Конечно, эта схема обогащалась. По мере отдаления и отчуждения событий прошлого у Февральской революции находили все новых творцов и виновников. Все это не случайно.

Разложение сложноорганизованной системы всегда вызывает поток простейших объяснений. Они востребованы познавательными слабостями человека — особенно применительно к реалиям бунтов, мятежей и революций. В постсоветское время бывшее недомыслие обогатилось поисками либеральных организаторов «управляемого хаоса». Политологи, как всегда, выхолащивают прошлое для сокрытия своей интеллектуальной несостоятельности.

Вглядываться в безумства революционного насилия — малопривлекательное занятие. Хочется забыть, что всякий переворот «снова воскрешает самые дикие энергии — давно погребенные ужасы и необузданности отдаленных эпох; что, следовательно, хотя переворот и может быть источником силы в ослабевшем человечестве, но никогда не бывает гармонизатором, строителем, художником, завершителем человеческой природы». Эти слова были произнесены особо почитаемым в предреволюционной России Фридрихом Ницше задолго до февраля 1917 года.

В годы Первой мировой войны многие говорили, что мир сошел с ума. Поэтому объяснять, что российское культурное пространство отличалось повышенной эмоциональностью, — задача рискованная. Между

тем всякая традиционная культура перенасыщена эмоциями (даже в тех случаях, когда обычай предписывает скрывать их). К тому же российское самодержавие, отягощенное крепостническим наследием, искусственно — через церковь и образовательную политику — поддерживало недоразвитость сознания своих подданных. Отсюда характерный результат. Философствующий аристократ, директор Императорских театров С. М. Волконский считал:

В русском обывателе не было критических убеждений, а были критические настроения... Нигде... как в России, критическое мышление не имело такого огульного, сплошного характера. Поражала не только одинаковость самого мышления, но и одинаковость приемов его, трафаретность его словесного выражения. Это выливалось в постоянную — скрытую или демонстративную, сдержанную или яростную, правую или левую — критику власти. Последняя превратилась в своего рода профессиональное занятие русской интеллигенции.

Условия навязываемого духовного застоя провоцировали в среде интеллигенции протестные идеи и эмоции. Из них рождались метафоры, метафоры обобщались понятиями, из которых складывались теории. На этой почве, сдобренной западными доктринами, и вырастали интеллигентские представления о революции — ожидаемой, происходящей, а затем и произошедшей. Массы, напротив, смотрели

назад — в воображаемую гармонию утраченного бытия. Из столкновения разнородных утопий и выросла «красная смута».

Подданный абсолютной власти не желал понимать условности и ограниченности европейской политики. Отсюда постоянная подмена практического расчета спонтанными — часто противоречивыми — эмоциональными реакциями. Обычно они приобретали характер крайностей: между «Да здравствует!» и «Долой!» не находилось компромисса. При этом искренние порывы приобретали «стадный» характер. В результате собственно политика отражала на деле скорее динамику *неполитических* страстей. Именно спонтанные эмоции масс по-своему распоряжались судьбами политиков. Такое наблюдалось и во времена Великой французской революции.

Некоторые мыслители догадывались, что под обывательской поверхностью российской жизни бродит некое «темное вино». «В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма», — считал бывший марксист Н. А. Бердяев. Происхождение этой «варварской тьмы» он связал с географическим фактором — чувством неспособности россиянина самостоятельно — без государства — организовать громадные пространства. Позднее философ С. А. Королев показал, что перед имперской властью, в сущности, существовала лишь одна задача: выработать из географических

территорий и совокупности «людских душ» единое и максимально однородное *пространство власти*. Это было чревато застоєм, мертвящим *все* культурное пространство. Отсюда неизбежность ответной реакции. Возникал риск в некий роковой день увидеть на месте царственного абсолюта тень власти или фигуру голого короля.

Ход российских событий несомненно подталкивала мировая война, что предвидел и К. Маркс. В январе 1917 года солдат более всего впечатляли отнюдь не антиправительственные речи, а газетные известия о том, что в то время, как «честный русский народ голодает», в тылу пьют шампанское, разъезжают в автомобилях, «которых не хватает армии, и кричат громко „ура“ за победу и наши „бесподобные войска“». Сильнее всего сказывалось недовольство армейскими порядками. «Форменный хаос, очковтирательство», начальники ведут «телефонную войну», — так характеризовал происходящее генерал А. Е. Снесарев, будущий советский военспец.

Задним числом даже материалист В. И. Ленин писал о предреволюционных ощущениях: «...Мы догадывались о той великой подземной работе, которая совершалась в глубинах народного сознания. Мы чувствовали в воздухе накопившееся электричество». Он был уверен, что это должно было «неизбежно разразиться очистительной грозой»*.

* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. Октябрь 1917 — март 1918. С. 60–61.

В такой обстановке старые как мир утопии получали научное воплощение. Позднее выдающийся социолог П. А. Сорокин (в прошлом эсер) писал:

Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов... Это явление «иллюзионизма», расхождение «тьмы низких истин» от «возвышаемого обмана» — явление общее... История еще раз трагически обманула верующих иллюзионистов.*

Теоретически было известно, что ожидаемая революция никогда не произойдет в «нужное» время, ее результаты будут совсем не теми, на которые надеялись людские массы. Но водороты человеческих самообольщений могут повторяться до бесконечности. Мне уже приходилось писать об этом в книгах «Красная смута», «Хаос и этнос», «Война, породившая революцию» (совместно с Т. Г. Леонтьевой), «Утопия, агрессия, власть» и других, не говоря уже о ряде статей. Использованы также материалы XI тома «Империя, война, революция» двадцатитомного академического издания «История России». В общем, по своей документальной основе данная работа не представляется совершенно новой. Новизна заключается лишь в концентрированной подаче материала, который остался незамеченным в прежних моих работах.

* Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1923. С. 18–19.

Поскольку настоящая книга адресована читателю, далекому от академических штудий, я постарался избавить его от многочисленных ссылок на документы за исключением малоизвестных и недооцененных свидетельств, а также текстов и заявлений, о которых их авторы предпочли бы забыть. Некоторые факты и явления приходилось подкреплять ссылками на источник, ибо в противном случае их могли счесть за выдумки, которыми столь богата наша современность.

Приходится учитывать, что нынешние медийные гуру готовы до бесконечности твердить о некоем «красном проекте». Это от наукообразного самомнения и трибунного словоблудия, такое происходило и в 1917 году. На деле произошло нечто иное: утопию мировой революции накрыл кровавый туман «красной смуты». И это началось еще в феврале 1917 года.